

ИЗУЧЕНИЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ В ЯПОНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ *

Статья носит историографический характер и посвящена изучению оленных камней японскими археологами, начиная с 1990-х гг. и по первое десятилетие XXI в. Благодаря полевым работам на территории Монголии в настоящее время именно японская археология (наравне с российской) играет ведущую роль в исследовании этой важнейшей категории памятников, концентрировано представляющих как материальную, так и духовную культуру кочевых племен древности и средневековья. В то же время, активно привлекая новые материалы, успешно занимаясь их описанием и классификацией, японские археологи уделяют недостаточное внимание вопросам семантики каменных изваяний и их ритуального использования.

Ключевые слова: Монголия, скифская эпоха, каменные изваяния, оленные камни, японские археологические экспедиции.

Изучение древностей степных народов относится к числу приоритетных направлений японской археологии. Это внимание в значительной степени стимулировалось изучением культуры *кофун*, происхождение которой многие ученые (например, Эгами Намио) связывали с импульсом со стороны «континентального всаднического» компонента раннего средневековья, исходившим из глубин Евразии (см.: [Комиссаров, Войтишек, 2010]). «Курганная культура», сыгравшая выдающуюся роль в становлении японской государственности, поддерживала постоянный интерес к курганам, связанным в основном с культурами кочевых народов Центральной Азии и сопредельных территорий. В течение 1930–1940-х гг. в районах Северного и Северо-Восточного Китая проводились полевые исследования, результаты которых значительно обогатили существовавшие представления о культуре народов, населявших территорию «к северу от Сте-

ны» в бронзовом и раннем железном веках, а также в средневековье.

После 1945 г. японские археологи почти на 50 лет лишились возможности проводить изыскания в интересующем их направлении, однако продолжали внимательно следить за публикациями китайских и российских ученых. Расширив границы изучаемого региона, они обратились к материалам Монголии, Забайкалья и Южной Сибири, в составе которых особое место занимают каменные изваяния. Данные памятники достаточно подробно рассматривались на страницах переводных изданий работ советских археологов, опубликованных в Японии в период 1960–1990-х гг. (см.: [Окура:доникофу, 1968; Рудэнко, 1971; Новугоро:дова, 1980; Кубарэфу, 1975; Кубарэфу и др., 1994; Марусадорофу, 1991] и др.). Со второй половины 1990-х гг. появляются собственные публикации японских ученых по данной тематике. Оленные камни они рассматрива-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00489а).

ли в более широком контексте развития монументальной скульптуры древности и средневековья, усматривая в них начальный этап традиции тюркских каменных баб (см., например: [Хаяси, 1996. С. 179–180]). Однако при этом датировались ими оленные камни раннескифской эпохой [Хатакэяма, 1996. С. 1]. Были изданы и обзорные работы по тюркским каменным изваяниям Синьцзяна, Монголии, Восточной Сибири, в которых особое внимание уделялось датировке памятников и семантике изображений (см., например: [Осава, 1992; 1995]).

В 1999 г. начала работу совместная японо-монгольская экспедиция, проводившая раскопки памятника Ушкийн увэр (в японской археологической литературе чаще называемого Улаан уушиг), открытого советско-монгольской археологической экспедицией и достаточно подробно освещенного в отечественной литературе [Волков, Новгородова, 1975]. Экспедиция продолжила свою работу в 2003–2006 гг.¹ В раскопках с японской стороны принимали участие такие известные исследователи, как Такахама Сю (Университет Канадзава), Хаяси Тосио (Университет Сока), Кавамата Масанори (Университет Кокусикан), Мацубара Рюдзи (Университет Сэйдзё). До настоящего времени японские археологи не предложили единой датировки комплекса. В. Д. Кубарев и Т. Хаяси датировали памятник первой половиной I тыс. до н. э., отмечая невозможность проведения радиоуглеродного анализа [2010. С. 102]. Однако Такахама Сю в статье, опубликованной в том же году, сообщил о результатах радиоуглеродного анализа: с учетом калибровки оленные камни датируются XIV–IX вв. до н. э. и соотносятся с периодом Шан – Западное Чжоу в Китае [Takahama, 2010. С. 127]. Столь ранние даты вызывают законное сомнение и нуждаются в дополнительном обосновании.

При раскопках памятника Улаан уушиг I – сложного разновременного явления, включающего в себя оленные камни и херексуры, обнаружены новые изваяния и уточнены описания ряда скульптур, уже известных науке. Японские исследователи отмечают

сходство керамики памятника с культурой плиточных могил Бурятии [Ягю, Такама, 2003. С. 3] (хотя в насыпях конструкций, пристроенных позднее, встречается также хуннуская и, возможно, древнетюркская керамика), а оленные камни относят к забайкальско-монгольскому типу. Однако оленный камень № 4 относится не к забайкальско-монгольскому типу, а к общему центрально-азиатскому. Он образует единый комплекс с херексуром № 1 и расположен недалеко от двух полукругов каменной оградки, с юго-восточной стороны; рядом найдены захороненные черепа и частично шейные позвонки лошади. Изваяние № 4 значительно отличается от прочих оленных камней памятника – для него характерна грубая необработанная поверхность, тонкая, едва различимая резьба, скупость изображений (только два круга – маленький и большой рядом с ним). По мнению японских ученых, находка обнаруживает черты сходства с памятниками Алтая, в частности, с оленными камнями плато Укок. Таким образом, камни двух разных типов включены в состав одного памятника, и, по всей видимости, использовались в одно время представителями одной культуры [Preliminary..., 2003. P. 6].

В 2004 г. экспедиция зафиксировала в Джаргаланте (сомон Индур улаан, аймак Архангай) плиточные могилы, в строительстве которых использовались многочисленные оленные камни; на одном из них отмечена фигура кошачьего хищника [Preliminary..., 2005. P. 13. Fig. 3, 4]. В том же аймаке выявлено два оленных камня, ранее не публиковавшихся. Первый из них высотой 200 см расположен одиночно, обращен на юго-запад; по предположению японских исследователей, он мог быть перемещен из другого места, скорее всего, из того же комплекса, где найден второй оленный камень. Высота последнего 202 см, расположен рядом с несколькими херексурами и перевернут вверх ногами, на поверхности отмечена тюркская χ -образная тамга. Японские археологи считают, что камень перевернули в тюркское время.

В 2005 г. японские исследователи посетили несколько памятников, оленные камни которых уже описаны в научной литературе, прежде всего, в трудах В. В. Волкова. В цели экспедиции входило уточнение описаний, эстампаж, а также поиск не описанных ра-

¹ Практически параллельно работы по обследованию (в том числе повторному) и фиксации каменных изваяний различных эпох и связанных с ними памятников осуществляла совместная китайско-монгольская экспедиция [Мэнгу го., 2008].

нее изваяний. Из наиболее интересных находок следует отметить один перевернутый оленный камень центрально-азиатского типа (стилизованное изображение трех кругов, нет изображений животных) и два оленных камня, использованные в оградках могил тюркского времени. Вблизи горы Алтан-сандал (сомон Их Тамир, аймак Архангай) на небольшом расстоянии друг от друга обнаружены две тюркские статуи (высотой 145 и 60 см), на которых можно проследить более ранние изображения оленей и пояса. Они были высечены из единого оленного камня, что подчеркивало парность этих изображений [Preliminary..., 2008. P. 88–90]. Ранее аналогичная находка была сделана в Ондорхангай-сомоне аймака Увс. При создании тюркской статуи был использован оленный камень, причем неизвестный художник сохранил ожерелье и символическое изображение лица на обратной стороне головы статуи [Хатакэяма, 1992. С. 216–217]. В 200 м от данного памятника найдены еще два изваяния высотой 78 и 88 см, уникальные по степени проработанности одежды и украшений; по заключению Хаяси Тосио [1996. С. 192], они выполнены из единого оленного камня; на большей фигуре сохранены ожерелье и черты лица предшествующей скульптуры.

Уже из используемой японскими археологами классификации оленных камней очевидно весьма неплохое знакомство японских ученых с трудами российских коллег. Большое внимание, разумеется, уделяется ими работе В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой, впервые описавших памятник Ушкийн увэр. Японские исследователи знакомы и с другими трудами этих авторов, а также с работами А. В. Варенова, С. В. Данилова, Л. А. Евтюховой, С. Г. Кляшторного, Д. Г. Савинова, Ю. С. Худякова, А. Д. Цыбиктарова. Особый интерес для японских исследователей представляют публикации, излагающие материал для изучения оленных камней Горного Алтая – им знакомы работы В. Д. Кубарева, Н. В. Полосьмак, А. С. Суразакова, Л. С. Марсадолова (отсылки к алтайскому материалу присутствуют в любой работе по теме). Стоит, однако, отметить, что по сравнению с данными по Монголии и Забайкалью, Алтай (в том числе и Синьцзянский) в меньшей степени освоен учеными из Японии; в их публикациях недостаточно учитываются результаты работы

китайских и сибирских археологов за последние годы.

Большое внимание японские археологи уделяют изучению так называемых реалий, изображенных на статуях, равно как и инвентарю, найденному на памятниках, связанных с ними. Для этих предметов ищут возможные параллели с Китаем, что дает возможность обосновать датировку комплексов с оленными камнями. Так, при раскопках херексура № 12 был обнаружен железный кинжал длиной 16,7 см. Исследователи указывают на его сходство с железным кинжалом из могильника Маоцингоу во Внутренней Монголии и ищут аналоги среди бронзовых кинжалов Китая периода Чуньцю [Takahama et al., 2006. P. 68]. Хаято Кавабата [2010] изучил оленный камень из Ушкийн увэра с изображением человеческого лица и сравнил так называемый предмет неизвестного назначения («предмет в форме лука», по японской терминологии), изображенный у пояса, с аналогичными китайскими изделиями эпохи Инь и раннего Чжоу. Ученый предполагал, что именно предмет на оленном камне можно идентифицировать как крючок для вожжей, в то время как китайские находки по ряду параметров вызывают сомнения в возможности подобной трактовки. Т. Хатакэяма изучала оленные камни Синьцзяна, апеллируя к типологии оленных камней Алтая и Монголии, разработанной российской археологической наукой [Hatakeyama, 2002]. Исследовательница указывает, что в рамках одного памятника Шибаркуль встречаются оленные камни саяно-алтайского, забайкальско-монгольского и евразийского типов, а весь комплекс датируется ею VIII–VII вв. до н. э. и соотносится с первой половиной периода Чуньцю в Китае.

В целом, даже краткий обзор показывает, что изучение оленных камней, хотя и началось в японской историографии очень поздно, практически лишь в 1990-е гг., однако благодаря интенсивности поиска на данном направлении были достигнуты значительные успехи. Этому способствовало начало полевых исследований на территории Монголии, что позволило пополнять источниковую базу новыми данными (за счет проведенных раскопок и уточнения прежних сведений). Можно констатировать, что в настоящее время именно японская археология (наравне с российской) играет ведущую

роль в изучении этой важнейшей категории памятников, концентрировано представляющих как материальную, так и духовную культуру кочевых племен древности и средневековья. В то же время, активно привлекая новые материалы, успешно занимаясь их описанием, сопоставлением и классификацией, японские археологи пока уделяют недостаточное внимание вопросам семантики каменных изваяний и их ритуального использования.

Список литературы

- Волков В. В., Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 78–84.
- Комиссаров С. А., Войтишек Е. Э.* Культура кофун (обзор материалов к курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 3: Археология и этнография. С. 14–17.
- Кубарев В. Д., Хаяси Т.* Власть кочевников в степях Евразии // Восточная коллекция. 2010. № 4. С. 94–102.
- Hatakeyama Tei.* The Tumulus and Stag Stones at Shiebar-kul in Xinjiang, China // Со:гэн ко:ко цу:син [Новости степной археологии]. 2002. No. 13 // Сайт Общества по изучению степной археологии. URL: <http://www.f.waseda.jp/yukis/sougen/sougen13.hatakeyama.html> (дата обращения 10.12.2011).
- Preliminary report on Archaeological Investigations in Mongolia 2003 by Permanent Archaeological Joint Mongolian and Japanese Mission // Со:гэн ко:ко цу:син [Новости степной археологии]. 2003. No. 14. P. 1–18.
- Preliminary report on Archaeological Investigations in Mongolia 2004 by Permanent Archaeological Joint Mongolian and Japanese Mission // Со:гэн ко:ко цу:син [Новости степной археологии]. 2005. No. 15. P. 1–18.
- Preliminary report on Archaeological Investigations in Mongolia 2005 by Permanent Archaeological Joint Mongolian and Japanese Mission // Со:гэн ко:ко цу:син [Новости степной археологии]. 2008. № 16. P. 63–92.
- Takahama Shu.* Research of Ulaan Uushig I (Uushigiin Övör) in Mongolia and newly acquired ¹⁴C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2010. Вып. 4. С. 126–131.
- Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebataar D.* Preliminary report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushigiin Övör) in Mongolia // Канадзава дайгаку ко:когаку киё: [Вестник археологии Университета Канадзава]. 2006. № 28. P. 61–102.
- Кавабата Хаято.* Сюцудо: дзё:кё: кара мита кю:кэйки но ё:то рон кэнсё: [Критика реконструкций использования лукообразных предметов на основе археологических находок] // Васэда дайгаку дайгакуин бунгаку кэнкю:ка киё: [Вестник отделения литературы аспирантуры Университета Васэда]. 2010. № 4. С. 101–117 (на яп. яз.).
- Кубарэфу Вуради:миру Д.* [Кубарев В. Д.]. Арудзян но куруган но цука [Аржанский курган] / Пер. Мацумото Тэцу // Ко:когаку дзя:нару [Журнал «Археология»]. 1975. № 109. С. 22–24 (на яп. яз.).
- Кубарэфу Вуради:миру Д., Гурядзунофу Михаиру, Монгуси Маннай-о:ру* [Кубарев В. Д., Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.]. Адзиа ю:бокүмин но дзюдзюцу, синва, синко: ни какавару кагами сирё: [Зеркала как источник по магии, мифологии и верованиям кочевых народов Азии] / Пер. Мацумото Тэцу // Кодай бунка [Культуры древности]. 1994. Т. 46, № 4. С. 20–37 (на яп. яз.).
- Марусаддо:рофу Л. С.* [Марсадолов Л. С.]. Падзырыку то сэмибура:тиэфу но хэннэн ни цуйтэ [К вопросу о хронологии Пазырыка и курганов Семи братьев] / Пер. Юкисима Коити // Кодай бунка [Культуры древности], Хатакэяма Тэй. 1991. Т. 43, № 3. С. 34–42 (на яп. яз.).
- Мэнгу го гудай миныйцу вэнхуа ицунь каогу дяоча баогао (2005–2006 нянь) [Отчет об археологическом обследовании памятников культуры древних кочевых народов Монголии (2005–2006 гг.): Монгол улсын нутаг дахь археологийн хайгуул судалгаа (2005–2006 он) / Гл. ред. Та Ла, Б. Энхтувшин. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2008. 336 с. (на кит. и монгол. яз.).
- Новугоро:дова Эрэно:ра* [Новгородова Э. А.]. Монгориа о тю:син то суру хоку тю:о адзиа но сэнсигаку ко:когаку синвагаку рэксигаку миндзоку гаку [Древняя история, археология, мифология, средневековая история и этнография Северной и Центральной Азии, в особенности, Монголии] / Пер. Сугита Куруми, Мориясу Такао // Гэкан сирукуро:до [Ежемесячный журнал «Шел-

ковый путь»]. 1980. Т. 6, вып. 9. С. 20–28; Вып. 10. С. 3–10 (на яп. яз.).

Окура:доникофу Арэкусэй Павуроуити [Окладников А. П.]. О:гон но тонакай: хоку адзиа но ива хэкига [Золотой олень: Наскальные изображения Северной Азии] / Пер. Като Кюдзо. Токио: Бидзюцу сьоппанся, 1968. 330 с. (на яп. яз.).

Осава Такаси. Иэнисэй гава рю:ики токкэцу модзи мэйбун сэкинин ни цуйтэ: сонно сакусэй нэндай о тю:син ни [Каменные изваяния с древнетюрскими руническими надписями из бассейна р. Енисей: к вопросу о датировании надписей] // Кодай бунка [Культуры древности]. 1992. Т. 44, № 12. С. 1–17 (на яп. яз.).

Осава Такаси. Синкё: сё:со кэн ку:ко дзифуро:ку хаккэн но сэкинин канкай [О происхождении каменных изваяний, найденных в уезде Чжаосу Синьцзяно-Уйгурского автономного района] // Со:гэн ко:ко цу:син [Новости степной археологии]. 1995, № 5. С. 2–9 (на яп. яз.).

Рудэнко С. И. [Руденко С. И.]. Сукитай но гэйдзюцу: Минами сибэриа то кита мо:ко но ихо: [Искусство скифов: Сокровища

Южной Сибири и Северной Монголии] / Пер. Эгами Намио, Като Кюдзо. Токио: Синдзидайся, 1971. 156 с. (на яп. яз.).

Хатакэяма Тэй. Кита Адзиа но сика иси [Оленные камни Северной Азии] // Kobunka Danso: Journal of the Society of Kyushu Prehistoric and Ancient Cultural Studies. 1992. № 27. С. 207–225 (на яп. яз.).

Хатакэяма Тэй. Со:гэн ко:ко хитокути мэмо [Краткое сообщение о новостях степной археологии] // Со:гэн ко:ко цу:син [Новости степной археологии]. 1996. № 7. С. 1 (на яп. яз.).

Хаяси Тосио. Монгориа но сэкинин [Каменные изваяния Монголии] // Кокурицу миндзокугаку хакубуцукан кэнкю: хококу [Научные сообщения Национального музея этнологии]. 1996. № 1. С. 177–283 (на яп. яз.).

Ягю Тосики, Таками Тэцуси. Монгорукоку ни окэру цумиисидзука но хаккуцу тё:са санка хо:коку [Отчет об участии в раскопках курганов в Монголии] // Канадай Ко:ко [Археология в Университете Канадзава]. 2003. № 43. С. 2–4 (на яп. яз.).

Материал поступил в редколлегию 15.12.2011

S. A. Komissarov, M. V. Semenova

INVESTIGATIONS OF THE STAG STONES IN JAPANESE ARCHAEOLOGY

The article is devoted to Japanese historiography of the stag stones' studying, during the period from the 1990 and up to the first decade of 2000. Due to field works in Mongolia namely the Japanese archaeology (together with Russian's) is playing now the outstanding role in the investigation of this very important category of archaeological sites represented in concentrated form the material as well as spiritual culture of nomad tribes of Ancient and Medieval Epochs. Though actively draw new data and make necessary description and classification, Japanese archaeologists at the same time pay not-sufficient attention to the problems of stone sculptures' semantic and their ritual using.

Keywords: Mongolia, Scythian epoch, stone sculptures, stag stones, Japanese archaeological expeditions.